

Глава 11

КОРАБЛЬ, ИДУЩИЙ КО ДНУ

Последние часы императорского правительства. — Последняя попытка Родзянко спасти монархию. — Родзянко или князь Львов? — Реакция Думы на отсрочку сессии. — Колебания Родзянко. — Родзянко и Алексеев.

§ 1. Последние часы императорского правительства.

Императорское правительство, то есть Совет министров, перестало существовать в ночь с 27 на 28 февраля. Официально никто не освобождал членов Совета от их обязанностей, они не имели права сложить их с себя по собственной воле. Но, покидая Мариинский дворец, отчасти потому, что прекратилось электрическое освещение, они знали, что никогда больше на заседание не соберутся. Хотя лишь двое суток назад ни один из министров не верил, что переживает апогей революционных волнений, начавшихся по крайней мере пять дней назад.

Разразившиеся беспорядки не вызвали у членов Совета министров единого отклика, считалось, что проблемой демонстраций должны заниматься те ведомства, которых это касается непосредственно — то есть министр внутренних дел с подчиненной ему полицией и военный министр, которому прямо подчинен командующий Петроградским военным округом. А Совет министров как таковой был гораздо сильнее озабочен другим вопросом — продовольственным. Ибо думское большинство хотело, чтобы контроль над продовольствием был передан городским властям. Пока что этот вопрос в Государственной Думе не дебатировался, его обсуждали лишь в петроградской городской Думе. Но 25-го между городскими властями и оппозиционным большинством Государственной Думы были установлены контакты. Поэтому можно было ждать, что 27-го, в понедельник, спорный вопрос будет с определенной желчностью обсуждаться на заседании Государственной Думы. Проблема стояла в тесной связи с распространяющимися волнениями, ибо масса демонстрантов требовала «Хлеба голодным». Совет министров опасался, что дебаты в Думе вызовут нападки на правительство в целом и в частности на министра внутренних дел Протопопова, настаивавшего на сохранении контроля над продовольствием. Если в Думе опять начнутся яростные нападки на правительство, то роспуск станет неизбежным. На это-то и надеялся Протопопов. Однако премьер-министр Голицын и некоторые другие члены кабинета, включая министра иностранных дел Покровского, не хотели роспуска Думы и надеялись убедить царя устранить

Протопопова и министра юстиции Добровольского, который его поддерживал. В субботу 25 февраля министры собрались в квартире князя Голицына для обсуждения. По общему мнению, сессию Думы следовало прервать; по мнению Протопопова, следовало применить строгие меры и Думу распустить. У Голицына, однако, был свой выход.

Прервать сессию Думы или распустить ее мог только декрет, подписанный монархом. Однако, как-то прошлой осенью, отправляясь в Ставку, государь оставил тогдашнему премьер-министру Штюрмеру недатированные декреты, объявляющие как о роспуске Думы, так и о временном перерыве сессии, так что в случае надобности число можно было поставить без задержки, которая была неизбежна, если посылать декреты на подпись в Могилев. Эти недатированные декреты были сперва переданы Штюрмером Трепову, а потом, когда 28 декабря премьер-министром стал Голицын, попали к нему. Государь объяснил процедуру Голицыну, сказав просто: «Держите эти декреты и используйте их, если это окажется необходимым». Есть определенные указания на то, что члены кабинета намекали председателю Думы Родзянко на возможность использования декретов. Родзянко протестовал против угроз распустить Думу в своем последнем докладе государю. Голицын не поднял этого вопроса, когда 22 февраля государь отбывал в Ставку, так как в этот момент не предполагал, что Дума «отобьется от рук».

Однако к субботе 25-го положение совершенно изменилось. Стало известно, что царь приказал Хабалову во что бы то ни стало прекратить уличные беспорядки, поэтому ждали серьезных столкновений. При этом не увенчалась успехом ни одна попытка уговорить думское большинство обратиться к массам с воззванием о сохранении порядка¹. Родзянко, как мы видели, собирался обвинить полицию во вспышках уличных столкновений, о чем и сказал Хабалову. Поэтому нельзя было рассчитывать, что либо он, либо другой либеральный лидер Думы воспользуется своим влиянием для того, чтобы уговорить рабочих и студентов не выходить на демонстрацию.

Хотя очевидно было, что министры склонны прервать сессию Думы, 25 февраля формальное решение не состоялось. Двух членов Совета (Риттиха и Покровского)² попросили выяснить у наиболее благоразумных депутатов Думы, какие меры могли бы уменьшить напряженность. Когда министры снова собрались вечером 26 февраля, т.е. после того, как войскам было приказано стрелять в толпу и произошли столкновения, они единодушно решили, что в течение нескольких следующих дней Дума заседать не должна. Согласно двум министрам, которые в неофициальном порядке зондировали

почву в думских кругах, такого же мнения придерживались многие депутаты. В своих мемуарах князь Шаховской говорит, что некоторые члены Думы считали, что перерыв сессии приемлем при условии, если одновременно произойдет реформирование правительства и во главе его будет поставлен какой-нибудь популярный генерал, например, Алексеев³.

Обсуждения, имевшие место на двух заседаниях правительства 25-го и вечером 26-го, не запротоколированы, свидетельства очевидцев противоречивы. Однако знаменательно, что отношения между правительством и Думой налаживались по образцу сентября 1915 года. Правительство готово было издать декрет об отсрочке работы Думы, но в то же время готовилось к своей собственной отставке и замене «правительством, пользующимся народным доверием».

Очевидно, Голицын решил воспользоваться декретом, откладывающим сессию Думы, на заседании 26 февраля; согласно этому декрету, Дума должна была вновь собраться не позже, чем в апреле 1917 года. Нет никаких указаний на то, что Голицын испрашивал у государя разрешения, чтобы воспользоваться документом. Ответственность за это решение целиком лежит на Голицыне и на Совете министров. Он утверждал впоследствии, что поступил согласно полномочиям, данным ему царем.

Это было последнее заседание, на котором министры чувствовали себя хозяевами положения. Протопопов, казалось, был в восторге от решения прервать сессию Думы и торопился передать декрет Сенату, который вручит его Родзянко. Только накануне Протопопов приказал арестовать членов революционных партий, и около ста человек, включая пятерых членов петроградского комитета большевиков, оказались в руках полиции. Это доказывает, что полиция все еще скрытно контролировала известные революционные организации через своих агентов и провокаторов. Избежавший ареста Шляпников, однако, утверждает, что после арестов руководство революционным движением масс перешло к комитету Выборгской стороны⁴. На массовое движение аресты никакого действия не оказали. Вполне можно сказать, что даже если бы все до единого большевики в Петрограде были 25 или 26 февраля арестованы, это нисколько не изменило бы событий следующего дня.

27 февраля министры за весь день не предприняли ровно ничего. Только двое из них — военный министр Беляев и министр иностранных дел Покровский — продолжали заниматься делами своих ведомств. Беляев пытался собрать войска, остававшиеся верными режиму, а Покровский принял британского посла, который снова поднял вопрос о назначении кабинета, ответственного перед Думой. Покровский сказал, что, хотя конституционные реформы по всей очевидности необходимы, в

данный момент правительство главным образом озабочено подавлением восстания петроградского гарнизона.

Когда 27 февраля, в 4 часа, Совет министров собрался в Мариинском дворце, членов его, по-видимому, охватило чувство бессилия и усталости. Ясно было, что Протопопов потерял голову, что вся его вызывающая самоуверенность исчезла и что бессмысленно ожидать от него каких-либо действий. Беляев заявил, что ненависть к Протопопову настолько сильна, что нельзя более откладывать его отставку. Однако Совет не имел полномочий увольнять министров, и Протопопов не мог оставить поста без особого разрешения государя. Голицын посоветовал Протопопову сказатьсь больным, с тем, чтобы его заменил один из товарищей министра. Протопопов как-то покорно согласился и даже предложил покончить самоубийством, но от этого его отговорили, и он ушел с заседания. После этого обсуждалось назначение его преемника, и Голицын, по-видимому, был готов в силу особых обстоятельств превысить свои полномочия и назначить министра, не консультируясь с государем. Но найти подходящего кандидата не удалось, и вопрос остался нерешенным⁵. Совет министров послал телеграмму царю, прося его назначить генерала и достаточное число войск, чтобы подавить восстание, и затем закрыл заседание до вечера. Когда министры покидали дворец, пришло сообщение, что председатель Государственного Совета Щегловитов арестован и доставлен в Думу. Министр иностранных дел Покровский сказал, что не верит, чтобы Родзянко мог согласиться возглавлять революционное движение. Телефонная связь с Таврическим дворцом была прервана, и министры могли лишь догадываться, что намеревается предпринять новосозданный Комитет Думы.

§ 2. Последняя попытка Родзянко спасти монархию.

Покровский был совершенно прав, считая, что Родзянко вряд ли захочет возглавить революционное движение. До самой поздней ночи с 27 на 28 февраля Родзянко все еще надеялся спасти монархию, став во главе правительства и назначив регентом брата царя, великого князя Михаила. Он мог рассчитывать на поддержку Голицына, чтобы уговорить великого князя объявить себя регентом, но великий князь не соглашался сделать это, не заручившись согласием брата. Когда Совет министров снова собрался поздним вечером 27 февраля, переговоры между великим князем, Родзянко и Голицыным — может быть, самое важное политическое событие времени — только что кончились. Предложение великого князя принять на себя власть

в Петрограде было передано вечером 27-го из военного министерства в Ставку, и генерал Алексеев доложил о нем царю. Деша передавалась очень медленно, по аппарату Хьюза, в Могилеве тоже произошла значительная задержка. Тем временем государь решил в ту же ночь ехать из Могилева в Царское Село и не склонен был обсуждать политические проблемы с генералами. Поэтому Алексееву было велено коротко поблагодарить великого князя за предложенные услуги и известить, что государь приедет и лично во всем разберется. Этим кончилась последняя попытка Родзянко спасти монархию.

Министры сидели и ждали решения государя почти до полуночи, и когда они покидали здание, толпа уже грозила в него ворваться. Они слышали о неудаче предложения великого князя Михаила, но не дождались приказа царя оставаться на своих местах до его возвращения в Царское Село. Тех, кого могли застать дома, известили на следующее утро по телефону. К этому времени Мариинский дворец был разгромлен, министерство путей сообщения захвачено представителем Комитета Думы промышленником А.А. Бубликовым, и большинство министров были арестованы или скрывались.

Переговоры между Родзянко и великим князем происходили днем 27-го в великой тайне. О намерении великого князя объявить себя регентом, если он получит согласие брата, не известили даже остальных членов семьи Романовых. Тем не менее, ни одно его движение не оставалось вне поля их зрения, его не считали подходящим претендентом на престол из-за морганатического брака. Великий князь Павел (последний из оставшихся в живых дядей царя) и Кирилл (который был следующим в порядке престолонаследования) замыслили что-то на свой страх и риск, готовя некий манифест семьи Романовых, в котором поддерживали требование о создании парламентского правительства⁶.

Если великий князь Михаил скрывал свои политические проекты от семьи, то Родзянко делал то же самое в отношении членов Комитета Думы, сформированного в этот вечер под его председательством. Мемуары Милюкова, посмертно опубликованные в 1955 году, обнаруживают, как мало было личного доверия между двумя лидерами Думы. Печально сознавать, что в те роковые часы, когда здравый смысл требовал от лидеров Думы единства действий, они, фактически, интриговали друг против друга. Это взаимное недоверие и неискренность в политических делах повлияли на сложившуюся вслед затем политическую систему, так что нам надлежит рассмотреть этот вопрос более подробно.

§ 3. Родзянко или князь Львов?

Милюков сообщает, что, когда в августе 1915 года Прогрессивный блок заменил требование образовать правительство, «формально ответственное перед законодательством», требованием создать правительство «народного доверия», имя Родзянко выдвигалось как имя возможного главы такого правительства⁷. С тех пор Родзянко много сделал для думской оппозиции. Всякий раз, когда делегаты сами подвергали себя возможным преследованиям, произнося с трибуны Думы возмутительные речи, Родзянко отказывался выдать стенограмму, не вычеркнув предварительно нежелательные места. (Разумеется, полный текст речи тем временем распространялся во множестве копий, порой даже с некоторыми добавлениями)⁸. Все же по мере того, как оппозиция Думы становилась все радикальней, следуя левым тенденциям общественных организаций, Родзянко оказывался справа от общего политического течения. Лишив себя возможности влиять на царя (бестактными намеками на предполагаемые прогерманские симпатии императрицы), он не приобрел сочувствия левого крыла радикального движения. Родзянко заявлял, что он не революционер и не заговорщик, как князь Г.Е. Львов, Гучков и Коновалов, которые искали контактов с революционными кругами и принимали активное участие в политических московских заговорах. Когда в конце 1916 года генерал Крымов пытался посвятить председателя Думы в планы дворцового переворота, Родзянко резко отверг предложение, сказав, что он давал присягу. Уже одно это отдаляло его от заговорщиков. В результате кандидатура Родзянко на пост премьера в списках радикальных кругов была заменена кандидатурой князя Львова.

Из них обоих Родзянко, глава «народных представителей», с его внушительной фигурой и зычным голосом, больше импонировал воображению публики. Из них обоих он был также предпочтительнее для царя, несмотря на охлаждение между ними. Родзянко смотрел царю прямо в глаза, даже когда знал, что его замечания покажутся дерзкими и вызовут раздражение. В нем ничего не было от лицемерного политиканства, что так ненавидел Николай II⁹. Кроме того, хотя Родзянко и не имел опыта в государственных делах, он прекрасно знал членов Думы, тогда как князь Львов, имея некоторый опыт управления чрезвычайно запутанными делами общественных организаций, знал только о тайных политических интригах московских заговорщицких центров.

Как только начались волнения в Петрограде, Родзянко возобновил попытки получить согласие государя на образование «правительства народного доверия»;

результаты этих попыток нам известны. Царю посылалась одна телеграмма за другой, одна другой настоятельней. У главнокомандующих Родзянко тоже искал поддержки. Если бы Родзянко убедил царя переменить мнение, то вполне возможно, что, опираясь на генералов, он и добился бы поста премьер-министра и получил возможность сформировать правительство по своему усмотрению. Переход был бы чисто конституционным и легальным и не удовлетворил бы левое крыло либералов, но таким образом можно было выиграть несколько недель, которые оставались до весеннего наступления. Такое правительство могло положить начало периоду постепенной политической эволюции. Это прекрасно понимали круги заговорщиков и думские кадеты.

Милюков, достаточно честолюбивый, чтобы надеяться раньше или позже получить пост премьер-министра, не хотел, чтобы Родзянко, непоколебимый сторонник самодержавия, стал главой правительства, к которому ему пришлось бы примкнуть. Он предпочитал и выдвигал Львова¹⁰, которого знал поверхностно, зато Львов слыл «мягким» и «толстовцем». Можно было рассчитывать, что князь Львов будет прислушиваться к политическим советам Милюкова. Милюков считал, что его собственная кандидатура особенно подходит для поста министра иностранных дел.

В некотором смысле нежелание царя уступить настояниям Родзянко было на руку Милюкову, который недавно увлекся идеей революционного переворота. Упорство царя помогало оправдать выбор того пути, который Милюков в своих воспоминаниях обозначает немецким словом «Rechtsbruch» (т. е. нарушение законности). И может быть он даже рад был решению отсрочить сессию Думы, принятому 27-го. Правда, то была Дума, в которой Милюков создал себе репутацию «великого парламентария», в которой ему удалось объединить умеренно правых и радикалов в Прогрессивный блок, что было значительным, хотя и непрочным политическим достижением. И все же Четвертая Дума была избрана по столыпинскому закону 3 июня 1907 года, в прямое нарушение конституции. Это превращало Четвертую Думу в часть того самого режима, который Милюков хотел ниспровергнуть своим «Rechtsbruch». Вот почему он отказался поддержать проект, по которому предлагалось не подчиниться декрету 27 февраля об отсрочке сессии Думы и объявить Думу полномочным органом власти.

§ 4. Реакция Думы на отсрочку сессии.

Когда 27 февраля Родзянко получил декрет об отсрочке сессии Думы, для этой институции пробил ее роковой час. Тут-то бы и сделать жест, подобный клятве *Jeu de*

Рауме¹, тут-то бы и не подчиниться роспуску. Но ни поведение лидеров думских фракций, собравшихся на неофициальный «совет старейшин», ни поведение большинства депутатов Думы в целом ничем не напомнило этого исторического прецедента¹¹. Они не только не протестовали против декрета, но даже, чтобы не создать впечатления неподчинения, собрались не в зале заседаний Думы, а в примыкающем к нему полуциркульном зале. Правда, раздавались голоса, в которых можно было слышать нечто вроде желания принять на себя руководство революционным движением. Депутат Думы А.А. Бубликов пишет:

Члены Думы, по получении указа, собрались на частное совещание для обсуждения положения дел, становившегося все более грозным. Члены правых партий уже отсутствовали, но и остальные не проявляли никакой склонности к рискованным решениям. Во всяком случае мое предложение перейти из «полуциркульного» зала в зал общих собраний и тем самым официально установить факт неподчинения формально выраженной воле монарха, не имело ровно никакого успеха, хотя я тут же пророчествовал: «Вы боитесь ответственности? Но от ответственности вы не уйдете, а достоинство свое уроните безвозвратно»¹².

Но ни его, ни другие в том же роде выступления (в том числе Керенского) не получили почти никакой поддержки. С одной стороны, явно не хотел, чтобы Дума возглавила революцию, Милюков, опасавшийся, что столь консервативный орган станет препятствием на пути радикальных действий, которым он сочувствовал. С другой стороны — не хотел допускать революционизации Думы Родзянко, чтобы ее работу мог безотлагательно возобновить либо Николай II, которого он уговаривал аннулировать декрет об отсрочке, либо великий князь Михаил, если он согласится на регентство.

Родзянко пошел даже на то, чтобы в качестве возможного премьер-министра был выдвинут Львов, о котором великий князь Михаил упоминал в телеграмме царю. Это, однако, не значит, что Родзянко готов был добровольно отказаться от ведущей роли в политике, если верховная власть перейдет к великому князю Михаилу. В проекте манифеста, объявляющего о создании правительства, ответственного перед Думой, который был 1 марта составлен в Могилеве и ранним утром 2 марта одобрен государем, Родзянко, а не Львов назначался главой нового правительства. В последний

¹ В 1789 король запретил членам Национальной Ассамблеи заседать. Они ушли в соседний зал для игры в мяч и там поклялись не уходить, пока не добьются конституции.

момент Родзянко обрел союзника в лице кн. Голицына. Но попытка провозгласить временное регентство великого князя Михаила успеха не имела, ибо Николай II отказался от предложения брата. Поэтому теперь (в ночь с 27 на 28 февраля) Родзянко, вместо того чтобы стать главой первого правительства народного доверия и посредником между монархом и законодательством, был поставлен перед другой альтернативой — примкнуть к мятежу и сделаться видной революционной персоной, но тогда его реальная политическая функция свелась бы к тому, чтобы уговаривать правых, офицеров, землевладельцев и даже высшую аристократию, с которой Родзянко был тесно связан, и убеждать их принять революцию. Какова бы ни была его интеллектуальная ограниченность, Родзянко, конечно, сознавал «capitis diminutio», которому ему предлагалось подчиниться, и поэтому его колебания не удивительны.

После долгих и бесплодных обсуждений, приватное заседание членов Думы решило возложить на «совет старейшин» образование Комитета членов Государственной Думы — «для восстановления порядка в столице и установления контактов с отдельными лицами и учреждениями». Единственным определенным результатом этих обсуждений было то, что в них (днем 27 февраля) подразумевался отказ Думы возглавить революционное движение. Тогда не был даже обнародован личный состав Комитета. Имена членов Комитета были объявлены только к полуночи, председателем Комитета должен был стать председатель Думы. В Комитет вошли почти все члены «совета старейшин» и полковник Энгельгардт, назначенный комендантом революционного петроградского гарнизона, после того, как Родзянко решил предоставить свой авторитет революционному движению как таковому¹³.

§ 5. Колебания Родзянко.

Колебания Родзянко изолировали его от Временного Комитета Думы председателем которого он официально был. Часами, пока толпы заполняли улицы столицы, освобождали заключенных из тюрем (как немногих политических, так и многих обыкновенных уголовников), жгли и громили здания Окружного суда, тайной полиции и множество полицейских участков, — Комитет Думы заседал, не приходя ни к какому решению.

Эти бесцельные словопрения приводили в отчаяние тех депутатов, которые считали, что Дума немедленно должна взять власть. Упомянутый выше Бубликов ходил от Родзянко к Керенскому, от Чхеидзе к Некрасову, говоря, что произносить речи — занятие совершенно бесполезное и опасное, что пора захватить власть, что в противном

случае царь соберет силы, пошлет войска с фронта и быстро подавит восстание. Бубликов полагал, что простейший путь к захвату власти состоит в том, чтобы занять министерство путей сообщения и установить контроль Думы над железными дорогами. Характерно, что Бубликов не смог ничего добиться до утра 28 февраля, когда председатель Думы, уже принявший роковое решение возглавить революцию, наконец ответил на настоятельные требования Бубликова: «Хорошо, если нужно, идите и занимайте его» (т.е. министерство путей сообщения).

В ответ на это [пишет Бубликов в своих мемуарах], я вынул из кармана заготовленное уже мною воззвание к железнодорожникам и предложил председателю его подписать, а также поручение от Комитета Государственной Думы занять министерство путей сообщения. Характерно, что в обращении этом слова: «старая власть пала», которыми оно начиналось, Родзянко заменил словами: «старая власть оказалась бессильной» — настолько еще в это время в Думе не верили, что революция уже совершилась и к прошлому возврата нет. Родзянко так и сказал: «Как можно говорить «пала»? Разве власть пала?»¹⁴.

Бубликов прав в этом отношении¹⁵. Даже согласившись взять на себя формирование правительства, Родзянко продолжал надеяться, что так или иначе это правительство будет узаконено. Он полагал, что Комитет Думы под его председательством есть, в сущности, *locum tenens* в политическом вакууме, образовавшемся вследствие отказа великого князя Михаила принять ответственность на себя. Правительство князя Голицына уже не существовало, стране грозила анархия, Думе не оставалось ничего, как назначить правительство в отсутствие верховной власти. Родзянко надеялся, что как только станет ясно, кому принадлежит верховная власть, положение правительства станет законным. Но тем временем события оборачивались против него.

Пока шли совещания в «совете старейшин», или, возможно, в уже сменившем его Временном Комитете Думы, Родзянко часами сидел в своем кабинете. На него, конечно, сильно подействовало то, что, несмотря на его вмешательство, Щегловитов, занимавший аналогичный его собственному пост в верхней палате, был арестован членом Думы в его присутствии¹⁶. Милюков и другие члены Комитета постоянно понуждали его действовать. Характерно, что Родзянко в конце концов изменил позицию не под их давлением, а в результате сообщения из офицерской столовой его собственного Преображенского гвардейского полка — офицеры готовы присоединиться к народу и отдают себя в распоряжение Думы. Это, вероятно, было около полуночи с 27

на 28 февраля. С этого момента Родзянко начал развивать лихорадочную деятельность, о которой в памяти его сохранилась весьма смутная картина. Он объявил, что готов взять на себя активное руководство Комитетом Думы, но потребовал полного повиновения членов. Он отправился в комнату, где совещались военные комиссии Совета и Думы и имел там столкновение с представителем Совета Н.Д. Соколовым¹⁷. Кажется, он даже подумывал отправиться поездом в Москву, чтобы встретить государя на полпути на станции Бологое и, может быть, арестовать его там. Но из этого ничего не вышло. Ни Милюков, ни Керенский в Комитете Думы не склонны были жертвовать ради председателя свободой действий. С военной комиссией Совета нельзя было договориться. Поездка навстречу государю не состоялась.

Положение Родзянко 28 февраля и в следующие два дня очень трудно себе представить из-за отсутствия документальных данных. В своих мемуарах «Государственная Дума и Февральская революция 1917 года»¹⁸ Родзянко сообщает, что 28 февраля генерал Рузский известил его, что государь доверил ему, Родзянко, сформировать правительство, ответственное перед Думой. Милюков доверяет рассказу Родзянко о получении мандата на формирование «ответственного» правительства и по своему объясняет колебания Родзянко, брать ли курс на революцию¹⁹.

Мемуары Родзянко были впервые опубликованы в 1919 году в Ростове-На-Дону и, естественно, определили отношение большинства историков к Революции. И все же нет ни малейшего сомнения, что в этом вопросе Родзянко был более чем неточен. 28 февраля Рузский не посылал ему такой телеграммы и не был уполномочен ее послать. 28-го царь находился в поезде на пути между Могилевом и станцией Малая Вишера Николаевской железной дороги. В продолжение этого дня царь и генерал Рузский не обменивались информацией политического характера. Царь не предполагал его встретить, так как ехал прямо в Царское Село, куда надеялся прибыть рано утром 1 марта. В своих воспоминаниях Родзянко пишет о манифесте уполномочивающем его сформировать кабинет. Такой манифест был действительно составлен в Ставке, о нем государю сообщили 1 марта, после того, как он провел еще один день на железной дороге, направляясь из Малой Вишеры в штаб Рузского в Пскове. Текст манифеста был представлен государю в 10 ч. 20 мин. вечера 1 марта, но Рузскому пришлось долго убеждать государя, чтобы заставить его уступить. Родзянко, возможно, до полуночи того дня слышал о манифесте, но не о согласии государя.

Таким образом, как Родзянко, так и Милюков ошибаются, считая, что поведение Родзянко 28 февраля было следствием царского мандата на учреждение парламентского правительства. Однако эта ошибка памяти подтверждается и рядом заявлений

придворных, находившихся в царском поезде, утверждавших после революции, что во время 38-часового путешествия государь был очень близок к тому, чтобы согласиться на парламентское правительство. Один из них, официальный историограф генерал Дубенский, был даже убежден, что телеграмма соответствующего содержания была послана царем уже 27 февраля²⁰.

Начало этой легенде положил генерал Иванов, который, как мы увидим, 27 февраля получил распоряжение отправиться в Петроград и, пользуясь диктаторскими полномочиями, положить конец беспорядкам. После революции генерал Иванов сделал несколько заявлений, в которых видно стремление как-то оправдать свою миссию и рассеять подозрение, что она была направлена против Государственной Думы. Иванов «припоминает», что, расставаясь с Николаем II в царском поезде ранним утром 28 февраля, он намекал государю о необходимости согласиться на конституционные реформы. Государь ответил уклончиво, но можно было понять, что он прекрасно все сознает и примет необходимые меры. На основании этого разговора Иванов позднее утверждал, что уже 27 февраля «Николай II решил ввести систему управления отчизной, осуществляемую министерством народного доверия, согласно желанию большинства членов Государственной Думы и многих слоев населения»²¹. Дубенский развивает путаные воспоминания Иванова. Однако ни тот, ни другой не может доказать, что царь намеревался поручить формирование правительства народного доверия Родзянко и что последний 28 февраля уже знал об этом.

Единственным несомненным доказательством изменившихся настроений государя может служить его желание встретиться с Родзянко 1 марта. Телеграммы были посланы по железнодорожному телеграфу и через министерство путей сообщения, находившееся тогда в руках комиссара Думы Бубликова. Были приняты меры для встречи с Родзянко, сначала на станции Дно, а затем в Пскове. Однако по причинам, которые мы рассмотрим ниже, путешествие Родзянко так и не состоялось.

Но желание царя встретиться с Родзянко и проконсультироваться с ним вовсе не означало, как думали члены царской свиты, что он изменился в отношении конституции. Да и сам Родзянко 28-го был далек от мысли стать царским премьер-министром. Когда в ночь с 28 февраля на 1 марта он просил государя принять его и предполагал выехать к нему навстречу в Бологое, он считался с возможностью арестовать царя — во всяком случае, так пишет в своих мемуарах член Думы Шидловский, который должен был его сопровождать²².

Ошибки и полные провалы памяти у Родзянко говорят о том, в каком смятении были его мысли 28 февраля. Важно, однако, выяснить, что он реально в этот день

делал, так как главным образом его изложение и интерпретация событий склонила высшее военное командование в лице Алексеева и Рузского занять ту позицию, которая повела к отречению 2 марта. Мы видели, что 27-го Родзянко старался воспрепятствовать таким действиям со стороны Думы, которые можно было расценить как неповиновение и бунт против отсрочки. Его телеграммы царю и переговоры с великим князем Михаилом следует скорее интерпретировать как исполнение сознания долга предостережение, нежели чем как попытку насильственного вмешательства. Но, с другой стороны, — он согласился возглавить Временный Комитет Думы, в который вошли Керенский и Чхеидзе, т.е. организаторы революционного движения. Правда, он не принимал участия в совещаниях Комитета до тех пор, пока не рухнула надежда на регентство великого князя Михаила. Когда позднее, около полуночи на 28-е, поколебленный известием из Преображенского полка, Родзянко согласился действовать от имени Комитета и взять на себя власть, то этим он, наконец, нарушил границы законности и перешел, может быть и против желания, в лагерь революции.

Действительно, когда сформировалось Временное правительство, Родзянко утверждал, что способствовал его созданию²³, как позднее всегда настаивал, что Временное правительство было сформировано по инициативе Государственной Думы. Другие члены Комитета Думы, особенно Милюков, никогда этого открыто не признавали. 27 февраля Милюков поддержал отказ Родзянко занять враждебную позицию к декрету об отсрочке. Но причины, которые заставляли его желать, чтобы Дума оставалась вне революции, были прямо противоположны причинам Родзянко. Милюков и его единомышленники (или те, которых он считал своими политическими друзьями) были только рады закрытию Думы в тот самый момент, когда они были так близки к министерской власти. Они без симпатии наблюдали за попытками Родзянко убедить царя отменить указ о роспуске. Милюков рассчитывал на революционное правительство, а не на то, которое могло быть сформировано на базе псевдо-конституции 1906 года (плодом которой была Четвертая Дума)²⁴, короче, Милюков рассчитывал на конституционную монархию, номинально возглавляемую несовершеннолетним Алексеем, при регентстве великого князя Михаила, «законченного дурака», по выражению Милюкова. В сени конституционного режима он и его друзья, без препятствий со стороны реакционной Думы, надеялись провести радикальные реформы, которых они так долго и тщетно ждали. Три дня каждый, Милюков и Родзянко, тянул в свою сторону, чтобы реализовать свою собственную концепцию конституционной реформы, — с 27 февраля, когда перестало существовать правительство Голицына, до отречения царя и великого князя Михаила. И реальный

смысл потасовки между двумя депутатами Думы никак не может всплыть на поверхность из тех абсолютно фиктивных версий, при помощи которых оба позже пытались объяснить свои поступки.

§ 6. Родзянко и Алексеев.

Обнаружив, что во Временном Комитете Государственной Думы положение его изолированно, Родзянко, естественно, пытался в своей претензии на власть опереться на какую-либо реальную силу. В предшествующие дни он имел тесные контакты с военными, это толкнуло его искать поддержки в главнокомандовании. В документах, касающихся сношений Родзянко с главнокомандующими 28 февраля, безусловно, есть пробел. Не все сообщения, передававшиеся в этот день из Петрограда в Ставку, стали известны. Однако и имеющегося материала достаточно, чтобы судить, какую важность как раз в этот момент генералы придавали личности Родзянко. Мы видели, что 27 февраля, когда великий князь Михаил предложил назначить новое правительство — если получит согласие брата, — Родзянко выдвинул на пост премьера кандидатуру князя Львова. Когда же 1 марта Ставка составила наконец текст манифеста, который Алексеев умолял государя немедленно подписать, главой правительства был назначен не Львов, а Родзянко²⁵.

До вечера 28 февраля сообщения о событиях в Петрограде, посылаемые Алексеевым главнокомандующим фронтам, довольно точно отражают хаос и анархию в столице²⁶. Но в телеграмме под № 1833, адресованной генералу Иванову и посланной немного позднее, с копиями всем главнокомандующим, Алексеев рисует совершенно другую картину. В ней говорится:

Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска, примкнув к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство, под председательством Родзянки, заседа в Государственной Думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о незыблемости монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства. Ждут с нетерпением приезда Его величества (в Царское), чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять это пожелание народа. Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной

междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы. Воззвание нового министра путей Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите Его величеству все это и убеждение, что дело можно привести к хорошему концу, который укрепит Россию.

1833 Алексеев.

Эта телеграмма отражает политическую тактику Родзянко гораздо отчетливее, чем опубликованные два года спустя воспоминания. О Родзянко говорится как о главе заседающего в Думе Временного правительства. Ссылка на монархический принцип не могла явиться в результате некоей декларации Временного Комитета Думы, зато верно отражала тогдашние чувства Родзянко. Телеграмма Алексеева явно послана с намерением приостановить какие бы то ни было решительные действия, которые могли последовать со стороны генерала Иванова в смысле вооруженного подавления смуты. Телеграмма признает, что новая власть в Петрограде исполнена доброй воли и готова с новой энергией способствовать военным усилиям, и даже Бубликов, практически всего лишь «комиссар» Комитета Думы, называется в ней министром путей сообщения. Таким образом телеграмма явно предвещает признание нового правительства со стороны главнокомандования.

Телеграмма, в которой Алексеев сообщает текст упоминавшегося выше, но не обнародованного манифеста 1 марта, выдает то же намерение — убедить царя признать революционное правительство Думы и санкционировать его существование:

Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти. Но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами.

Эти цитаты ясно показывают, что Алексеевым руководило впечатление, что Родзянко держит Петроград в руках и что ему удалось сдержать революционный напор, и поэтому следует всячески укреплять его позицию.

Вечером 28 февраля Алексеев перестал быть по отношению к царю послушным исполнителем и взял на себя роль посредника между монархом и его бунтующим парламентом. Только Родзянко, создав ложное впечатление, что Петроград находится

под его полным контролем, мог вызвать в Алексееве такую перемену. Самим же Родзянко руководили одновременно две вещи: честолюбие и страх²⁷. 28 февраля члены Комитета Думы все еще понятия не имели о размерах экспедиции генерала Иванова, которая, как они знали, находится на пути к Петрограду. Вслух предполагалось, что любая часть, прибывшая в Петроград, сразу примкнет к революции. Но вряд ли в это серьезно верилось. Дисциплинированные войска легко могли совладать с распоясавшимися солдатами и вооружившимися штатскими, занятыми грабежом, поджогами и насилием на улицах. Суханов признает, что дисциплинированный отряд мог быстро ликвидировать революционное движение. И в таком случае Родзянко оказывался в щекотливом положении. Он был достаточно осторожен в своих личных заявлениях, и его ужас перед революционной толпой был совершенно искренен, но как председатель Комитета Думы, в который входили Керенский и Чхеидзе, он в то же время выглядел бунтовщиком. Поэтому Родзянко был живо заинтересован в том, чтобы остановить экспедиционные войска Иванова, которые он считал гораздо более многочисленными и сильными, чем это на самом деле было. Если бы Родзянко известил Иванова об истинном положении в Петрограде, если бы он сказал ему, как бессилён он сам перед Милюковым и членами проектируемого Временного правительства, если бы он объяснил, что Временное правительство находится в полной зависимости от Петроградского Совета, которому, в свою очередь, приходится потворствовать взбунтовавшимся солдатам, Алексеев, вероятно, счел бы за необходимое остаться верным присяге и попытаться восстановить порядок в Петрограде при помощи экспедиционных войск Иванова²⁸. Смутный, но тем не менее сильный страх перед экспедицией Иванова разделяли с Родзянко и члены Комитета Думы, и даже Петроградский Совет. Употребляя свое влияние на то, чтобы сыграть а колебаниях Алексеева, Родзянко повышал собственные акции в лазах революционеров. В то же время, он устанавливал контакты с командованием, что могло для него оказаться полезно в том случае, если революционная волна спадет. Так или иначе, то, что он 28 февраля сообщал Алексееву, если и не было сознательным обманом, вводило все же в заблуждение. Впоследствии он и сам обманывался подобным образом, утверждая, что 28 февраля царь, через посредство Рузского, поручил ему формирование правительства, ответственного перед Думой.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 11

¹ Князь Шаховской вспоминает об одной такой попытке, на которую от имени кадетов ответил Некрасов, потребовав в обмен на поддержку Думы освобождения рабочей группы военно-промышленного комитета. — Шаховской, ук. соч. (см. прим. 4 к гл. 7), стр. 198.

² Риттих был назначен исполняющим должность министра земледелия 16 ноября 1916 года, а Покровский был министром иностранных дел с 10 ноября 1916 года.

³ Шаховской, ук. соч., стр. 199.

⁴ Шляпников. Семнадцатый год. 2-е изд., М., (года издания нет), стр. 99.

⁵ В то время упоминалось о некоем генерале Макаренко, но он заведовал военной прокуратурой, что, как считали, могло сделать его непопулярным у либералов.

⁶ Именно об этом проекте упоминала императрица в письме государю от 2 марта: «Павел, получивший от меня страшнейшую головомойку за то, что ничего не делал с гвардией, старается теперь работать изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом: он составил идиотский манифест относительно конституции после войны и т.д. ...» Оригинальный документ, свидетельствующий об этой попытке великого князя Павла добиться конституционной реформы, хранится в архиве Колумбийского университета. См. га. 15, § 1.

⁷ Милюков, ук. соч. (см. прим. 5 к гл. 8), т. 2, стр. 273 и далее. — Ср.: Граве, ук. соч. (см. прим. 7 к гл. 1), стр. 21.

⁸ См. гл. 8, § 6 и далее.

⁹ См. Шаховской, ук. соч., стр. 186: «Запомните, — сказал государь, — если я когда-нибудь назначу министром человека, который боится смотреть людям прямо в глаза, это значит, что я сошел с ума».

¹⁰ В воспоминаниях Милюков пишет: «Заменить председателя Думы председателем Земств было нелегко, согласно планам блока. Но мне это удалось. Разумеется, репутация Львова во всей России значительно облегчила эту задачу — в это время он был незаменим. Я не могу, впрочем, сказать, что Родзянко примирился с этим решением. Он продолжал вести тайную борьбу, ниже мы отметим формы, которые она приняла». — П.Н. Милюков, ук. соч., том 2, стр. 275.

¹¹ «Совет старейшин» был неофициальным органом, в который входили руководители думских фракций, он собирался для обсуждения организационных вопросов. Фактически Временный Комитет Думы в основном был избран этим органом из числа его собственных членов; в него не вошли лидеры правых партий, но были включены Керенский и Чхеидзе (от трудовиков и меньшевиков).

¹² А.А. Бубликов. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918, стр. 17.

¹³ См. гл. 13, § 2 и далее. Перечень членов комитета см.: R. P. Browder and A. F. Kerensky. The Russian Provisional Government 1917. Stanford, 1961, p. 47.

¹⁴ Бубликов, ук. соч., стр. 20 и далее.

¹⁵ В остальном его воспоминания поражают путанностью. Здесь, однако, воспоминания Бубликова сходятся с записью другого мемуариста, проф. Питирима Сорокина, который был в Думе днем 27 февраля:

«— Дума, — сказал мне депутат Ржевский, — фактически распущена, но назначен исполнительный комитет в качестве временного правительства.

— Значит ли это, что вы присоединились к революции? — спросил я.

— Нет... Впрочем, может быть да, — ответил он нервно.

То же смущение и неуверенность я обнаружил и у других депутатов». — Pitirim Sorokin. *Leaves from a Russian Diary*. London, 1925, p. 8.

¹⁶ См. гл. 14, § 3.

¹⁷ См. гл. 13, § 2.

¹⁸ АРР, VI, стр. 59.

¹⁹ Милюков, ук. соч., том 2, стр. 296. Удивительное упущение в мемуарах Милюкова. В своей ранее написанной «Истории второй русской революции» (София, 1921, см. стр. 50) он не упоминает об этом обстоятельстве.

²⁰ Как произошел переворот в России. — «Русская Летопись», III, Париж, 1922, стр. 35.

²¹ Падение... (см. прим. 6 к гл. 3), т. 5, стр. 318.

²² «Вопрос о поездке был решен поздно ночью в мое отсутствие и разработан был весьма мало. Не были предусмотрены возможность нашего ареста, возможность вооруженного сопротивления верных государю войск, а, с другой стороны, предусматривалась возможность ареста нами государя, причем в последнем случае не было решено, куда его отвезти, что с ним делать и т. д.» (Цитируется по Мельгунову — «Мартовские Дни 1917 года», стр. 53).

²³ Рано утром 2 марта, связавшись по прямому проводу с генералом Рузским (сохранилась телеграфная запись), Родзянко сказал: «Анархия достигает таких размеров, что я вынужден был сегодня ночью назначить Временное правительство». Мельгунов совершенно справедливо утверждал, что этот разговор, зарегистрированный аппаратом Хьюза, есть критерий наших знаний о том, что произошло в момент образования Временного правительства. Он гораздо авторитетнее, чем многочисленные воспоминания, заметки и «истории революции», позднее написанные участниками. Он открывает гораздо больше, чем привременные заявления, предназначенные для массового потребителя. Удивительно поэтому, что в своем трехтомном сборнике документов «The Russian Provisional Government» (см. прим. 20 к гл. 12) Броудер и Керенский нашли возможным исключить основную часть разговора, в том числе заявление Родзянко, что «Временное правительство» назначил он.

²⁴ В своих мемуарах Милюков признает, что лично он «не хотел, чтобы государственная власть принадлежала Думе». (Том 2, стр. 294). Его отрицательное отношение к Думе, в которой он создал себе репутацию лидера русского радикального либерализма, объясняется в его воспоминаниях следующим образом: «Это была Дума 3 июня (т. е. 3 июня 1907 года — день столыпинского переворота, сократившего права Думы и изменившего избирательный

закон) — это была Дума, опороченная прерогативами самодержавия, основным законом апреля 1906 года, зажатая в тиски Государственного Совета, этой могилы законодательства, введенного Думой. Можно ли было согласиться на то, чтобы такое учреждение играло роль в новой ситуации? Дума стала тенью самой себя». (Том 2, стр. 303).

²⁵ В проекте манифеста говорилось: «Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России». Манифест не был опубликован, хотя, как мы уже сказали, государь выразил свое согласие в ночь с 1-го на 2-е марта. — АРР, Щ стр. 253.

²⁶ См., например, телеграмму Алексева № 1813. — АРР, III, стр. 250 и далее.

²⁷ В разговоре по прямому проводу с Рузским, рано утром 2 марта, Родзянко сказал: «Его присылка генерала Иванова с Георгиевским батальоном только подлила масла в огонь и приведет только к междоусобному сражению, так как сдержать войска, не слушающиеся своих офицеров и начальников, решительно никакой возможности нет. Кровью обливается сердце при виде того, что происходит. Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа не будут. Остановите ненужные жертвы». Эти противоречивые и истерические речи («приведет только к междоусобному сражению», «войска не будут действовать против народа») говорят не столько о беспокойстве, сколько о панике. Эти фразы были исключены из сборника документов Бродера и Керенского.

²⁸ Несколько раньше, 28 февраля, в телеграмме № 1813, адресованной главнокомандующим, Алексеев извещал о полном разгроме Хабалова в Петрограде и писал: «Сообщая об этом, прибавляю, что на всех нас лег священный долг перед государем и родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов».